

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья
УДК 342.9, 340(075)
doi: 10.17223/22253513/52/1

Формы непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации

Роман Владимирович Амелин¹, Мария Александровна Липчанская^{2,3},
Сергей Евгеньевич Чаннов⁴

¹ Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

² Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

⁴ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
¹ alan.asker@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7054-5757

^{2,3} lipchan_maria@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4410-0578

⁴ sergeychanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3342-7487

Аннотация. Анализируются потенциальные изменения в использовании форм непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации местного самоуправления. Автором выделяются как преимущества, так и риски, связанные с внедрением современных цифровых технологий в демократические процессы; формулируются предложения по оптимальной цифровизации как существующих в настоящее время форм прямой демократии, так и перспективных. На этой основе делаются выводы о необходимых изменениях в законодательстве о местном самоуправлении

Ключевые слова: местное самоуправление, формы непосредственной демократии, электронная (цифровая) демократия, дистанционное электронное голосование, блокчейн-технологии, местный референдум, сход граждан, краудсорсинг

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>, финансирование осуществляется через организацию ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». Статья подготовлена с использованием материалов СПС «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Амелин Р.В., Липчанская М.А., Чаннов С.Е. Формы непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 5–25. doi: 10.17223/22253513/52/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/52/1

Forms of direct democracy at the municipal level in the conditions of digital transformation

Roman V. Amelin¹, Maria A. Lipchanskaya^{2,3}, Sergey E. Channov⁴

¹ Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

² Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

⁴ Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation

¹ alan.asker@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7054-5757

^{2,3} lipchan_maria@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4410-0578

⁴ sergeychannov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3342-7487

Abstract. Electronic (digital) democracy should be understood as the use of information and communication technologies for the protection and development of basic democratic values and, above all, the participation of citizens in the decision-making processes of the authorities. At the same time, there is currently an urgent need for further digitisation (fully or partially) of various forms of direct democracy used at the local level.

First of all, it concerns the holding of municipal elections with the use of DEG systems, which is already taking place at present. Despite all the advantages of the ECT in elections, practice shows that there are also problems in this area, primarily related to non-transparency of voting procedures and the emergence of doubts about the correctness of vote counting. The use of blockchain technologies, which do not allow changing or deleting previously added information, seems promising here. However, organisational and technological issues should not be left to the discretion of technical specialists - developers of the relevant SS systems, which caused negative perceptions of the use of these technologies in elections earlier. The implementation of the SS should be based on a sufficient regulatory framework that would contain detailed requirements for these technologies and the specifics of their use in the voting procedure. At the same time, these requirements should be unified for the whole country and be enshrined, accordingly, in acts of the federal level.

Even broader prospects are offered by the use of ECTs in local referendums, provided that they are the only way of expressing the will at the referendum, and not an additional one (as at present). The introduction of local referendums in electronic form can fundamentally change the importance of this institution of direct democracy. The simplicity of holding and promptness of summarising the results, as well as the relative cheapness of the electronic referendum allows to make it not an extraordinary, but an everyday mechanism for making decisions on a wide variety of problems directly by the population of municipalities.

Nevertheless, we believe that such a prospect within the framework of the digital transformation of local self-government is, if not inevitable, then at least very likely. In our opinion, taking into account the objectively existing digital inequality of municipalities, the issue of holding local referendums exclusively in electronic form should be resolved directly at the local level. Federal legislation on local self-government should only enshrine such a right for municipalities themselves. The very adoption of this decision in a particular municipality can be carried out only through a referendum (in the traditional form) or at a meeting of citizens.

At the same time, a referendum with the use of DEGs may well partially supplant such an institution of direct democracy as a meeting of citizens, since many issues that are currently resolved at meetings of citizens in the future can be resolved at local referendums in electronic form.

Also, modern digital technologies can significantly simplify the procedure for using such forms of direct expression of the will of the population at the local level as citizens' lawmaking initiative and initiative projects. In both cases, it seems promising to establish the possibility of forming initiative groups and registering, respectively, the acts submitted in the order of law-making initiative, as well as initiative projects in online mode (under the mandatory condition of identification of the participants of these initiative groups). It seems that this will somewhat simplify some mandatory procedures, however, in general, the implementation of these forms of direct democracy exclusively in a remote mode is unlikely to be expedient in most cases.

In addition to existing legislation, digital technologies create opportunities for other, new forms of direct democracy at the local level. These include, for example, online debates, online protests and public crowdsourcing.

Keywords: local self-government, forms of direct democracy, electronic (digital) democracy, remote electronic voting, blockchain technologies, local referendum, citizens' meeting, crowdsourcing

Financing: the research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant № 23-28-01252, <https://rscf.ru/project/23-28-01252/>, financing is carried out through the organisation FGBOU VO "State University of Management". The article was prepared with the use of the materials of the JPS "ConsultantPlus".

For citation: Amelin, R.V., Lipchanskaya, M.A. & Channov S.E. (2024) Forms of direct democracy at the municipal level in the conditions of digital transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 52. pp. 5–25. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/52/1

Если конец XX – начало XXI в. характеризовались массовым внедрением информационных, прежде всего цифровых, технологий во все сферы общественной жизни, то в настоящее время они уже фактически определяют основные тренды общественного развития. С одной стороны, на цифровые технологии возлагают большие надежды, видя в них основу для трансформации всего общества на более эффективных и справедливых подходах. С другой – многие специалисты призывают относиться к массовому внедрению цифровых технологий в публичное управление с осторожностью, по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь», в первую очередь именно в сфере демократических процессов, отмечая, что «тотальная трансформация традиционных форм демократии несет в себе опасность становления цифрового авторитаризма» [1. С. 1].

При этом даже само понятие электронной (цифровой) демократии (в современной литературе используется целый ряд близких терминов «электронная демократия», «цифровая демократия», «интернет-демократия» и т.п.; в настоящей статье они будут пониматься как равнозначные) также является в настоящее время не вполне однозначным. Так, в проекте Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. было дано следующее определение данного термина: «Под электронной демократией понимается такая форма организации общественно-политической

деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами» [2]. Критикуя данное определение, Союз IT-директоров России указал, что в данном случае «инструменты электронной демократии рассматриваются как средства коммуникации между гражданами и властью, хотя они должны вовлечь население в управление государством, а не просто донести до чиновников мнение народа» [3].

Действительно, опираясь на то, что в буквальном смысле слово «демократия» – это власть народа (от греч. *demos* – народ, *kratos* – власть) [4. С. 11], специалисты определяют демократию как власть народа, осуществляемую в интересах народа и самим народом [5. С. 65]. Более того, некоторые исследователи отождествляют демократию исключительно с волеизъявлением избирателей: «Современная демократия – это, по определению, в первую очередь организованное волеизъявление людей» [6. С. 30].

В таком случае и под электронной (цифровой) демократией следует понимать использование информационно-коммуникационных технологий для защиты и развития основных демократических ценностей и, прежде всего, *участия граждан в процессах принятия решений органами власти* [7].

В то же время имеются и другие подходы к определению рассматриваемого термина. Помимо традиционных форм участия граждан в жизни государства (референдумы, свободные выборы), некоторые авторы вкладывают в понятие цифровой демократии также электронные опросы граждан, предоставление электронных государственных услуг, электронные петиции, электронные консультации, электронные ходатайства, электронное правосудие, электронное взаимодействие граждан с местным самоуправлением на уровне системы «умного города» и т.д. [8. С. 24]. Однако существует также позиция, согласно которой все вышеописанное следует относить к понятию более широкому, чем цифровая демократия, а именно электронное участие. Это предполагает оставить за понятием цифровой демократии лишь вопросы отношений граждан с правительством и политическими представителями и вынести за рамки остальные формы контакта граждан с публичной властью (местными администрациями и др.) [9. Р. 56].

Здесь необходимо отметить, что, согласно исследованиям целого ряда ученых, современные технократические концепции разделяются на две идеологические линии: технократическую и технодемократическую, функционирующие по векторам сверху-вниз и снизу-вверх соответственно [10. С. 394]. В рамках первой из них цифровые технологии позволяют реализовать именно управленческие процессы (информирование граждан со стороны органов власти; предоставление государственных и муниципальных услуг; осуществление онлайн-приемов и т.п.). При всей их необходимости к демократии, с нашей точки зрения, они имеют в лучшем случае лишь косвенное отношение, поскольку не относятся напрямую именно к формам реализации власти народа. А вот технодемократическая линия как

раз должна способствовать цифровизации именно способов (обязательных либо рекомендательных) *воздействия* населения на властные структуры. Она связана с переводом в цифровую форму таких демократических институтов, как выборы, референдум, общественные слушания, сходы и собрания граждан и т.п.

Разумеется, к электронной демократии относятся и иные формы народовластия, в частности так называемый электронный парламент. Однако функционирование парламентских, также, как и иных выборных органов и должностных лиц, относится не к непосредственной (прямой), а к представительной демократии. В рамках же настоящей статьи нас интересует лишь непосредственная демократия, под которой понимается «совокупность конституционно-правовых институтов, посредством которых народ выражает свою волю, сам *осуществляет государственную власть или власть местного самоуправления* (участвует в осуществлении)» [11].

На государственном уровне ведущими формами осуществления демократии или народовластия выступают референдум и свободные выборы [8. С. 24]. Применительно к электронной демократии именно последние и становятся чаще всего объектом внимания исследователей [12–14]. Однако следует иметь в виду, что муниципальный уровень в силу своей специфики характеризуется гораздо более широким перечнем используемых форм прямой демократии: сходы, собрания и конференции граждан; территориальное общественное самоуправление; голосование по отзыву депутатов и выборных должностных лиц и др. Это обусловлено тем, что «на местном уровне информационно-коммуникативного взаимодействия возникают наиболее благоприятные условия для достижения необходимой степени доверия между властью и обществом...» [15. С. 10]. Соответственно, рассматривая вопросы перспектив цифровой трансформации местного самоуправления, целесообразно оценивать преимущества и риски перевода в цифровую форму всех их.

Надо сказать, что целесообразность цифровизации форм непосредственной демократии на местном уровне осознается и законодателем, который уже предпринимает определенные шаги в этом направлении. Так, Федеральным законом от 20.07.2020 № 236-ФЗ была предусмотрена возможность проведения опросов жителей муниципального образования (институт прямой демократии рекомендательного характера) путем использования официального сайта муниципального образования. Еще через год был принят Федеральный закон от 01.07.2021 № 289-ФЗ, в соответствии с которым была предусмотрена возможность участия жителей муниципального образования в публичных слушаниях в онлайн-режиме. Несмотря на попытки отдельных депутатов заблокировать действие последних положений, они уже достаточно успешно применяются на практике, причем. Правительством Российской Федерации отмечается, что возможность использования при проведении публичных слушаний портала государственных и муниципальных услуг является дополнительной гарантией обеспечения более активного участия жителей муниципального образования в решении вопросов местного значения [16].

Нам представляется, что в настоящее время существует настоятельная необходимость дальнейшего перевода в цифровую форму (полностью или частично) различных форм прямой демократии, используемых на местном уровне. В связи с этим рассмотрим возможные перспективы работы в данном направлении для основных из них.

Электронная демократия в настоящее время ассоциируется, в первую очередь, с электронным голосованием, преимущественно на выборах. Характерно это не только для России, но и для других стран мира [17. С. 64–57]. Что касается нашей страны, то Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит с 14.03.2022 ст. 64.1, которая определяет условия и порядок проведения дистанционного электронного голосования. Согласно ее положениям, дистанционное электронное голосование (ДЭГ) может применяться на выборах (и референдумах) на всех уровнях, в том числе и на муниципальном. Можно отметить, что использование средств ДЭГ имело место в Российской Федерации и до внесения указанных изменений, однако лишь в качестве экспериментов. На настоящий момент ДЭГ является нормальной и достаточно распространенной практикой проведения выборов, включая муниципальные. При этом ДЭГ не заменяет традиционные способы учета голосов избирателей, а дополняет их.

Как отмечает Т.О. Трушалова, в условиях развития участия граждан в управлении делами государства за счет различных дистанционных и электронных технологий, представления о смысле народовластия, осуществляемого гражданами непосредственно, могут приобретать дискуссионный характер [18. С. 20]. По ее мнению, в процессе дистанционного электронного голосования между гражданином, принимающим участие в голосовании, и результатом его голосования появляется «прослойка» в виде технологии, часто представленная сразу несколькими самостоятельными информационными системами, в связи с чем непосредственный формат участия граждан может не иметь столь однозначного выражения, как при традиционном голосовании бумажными бюллетенями.

К примеру, для организации и проведения дистанционного электронного голосования на выборах в России используется не менее восьми различных информационных систем:

- федеральная государственная информационная система дистанционного электронного голосования;
- региональная информационная система – государственная информационная система «Дистанционное электронное голосование»;
- федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ЕПГУ);
- государственная информационная система «Портал государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы»;
- автоматизированная информационная система «Официальный портал Мэра и Правительства Москвы»;

- государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы»;
- федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА);
- сеть Интернет.

В целом действительно с использованием информационных систем при организации и проведении дистанционного голосования используются определенные технологии. Это очевидно. Но ведь при традиционном голосовании также используется «прослойка» в виде членов избирательной комиссии, которые проводят идентификацию личности, сверяя и записывая в избирательные списки паспортные данные избирателя, выдают под роспись бюллетень и т.д. Получается, что при проведении голосования также имеются процедурные аспекты, которые неукоснительно следует соблюдать. На этом основании мы склонны скорее не согласиться с выводом Т.О. Трущаловой, что в условиях применения дистанционного электронного голосования участие граждан в управлении делами государства с точки зрения своей сущности приобретает черты опосредованного формата достижения результата в области народовластия [18. С. 21]. Участие гражданина в дистанционном электронном голосовании, несмотря на наличие так называемого посредника в виде технологии, все же слабо соотносится с сущностью самой категории «представительства», которая, как отмечает С.А. Авакьян, предполагает наличие субъекта (физического лица или органа, учреждения, организации, их подразделения), который: а) представляет, т.е. выражает как фактом своего существования, так и действиями интересы другого субъекта; б) которому поручено выполнение функций представительства; в) представляет самого себя и выражает свои интересы [11. С. 326].

Имеющийся опыт показывает ряд преимуществ ДЭГ по сравнению с личным голосованием граждан на избирательных участках. Прежде всего, это удобство для избирателей, что позволяет отчасти преодолеть такую распространенную проблему, как абсентеизм избирателей. При этом снижение явки в принципе характеризует выборы в Российской Федерации последних лет, однако на муниципальном уровне ситуация, как правило, заметно хуже, чем при проведении выборов в региональные и, тем более, федеральные органы власти.

Из плюсов электронного голосования можно также отметить, что подсчет голосов при его использовании отличается существенно большей оперативностью. Однако и проблем здесь также хватает. Главная – это сомнения в правильности подсчета голосов. Неоднократно фиксировались случаи, когда наблюдатели на выборах замечали расхождения в количестве голосов из первоначальных протоколов с итогами голосования в системе ГАС «Выборы». При этом доказать нарушения с расширением цифровизации становится все труднее, поскольку отследить незаконные действия в сети практически невозможно [1. С. 5; 19. С. 6].

Одним из способов преодоления данного явления многие специалисты называют использование для проведения ДЭГ блокчейн-технологий. В блокчейне распределенная децентрализованная база данных сама охраняет себя от мошенничества и манипуляций. Технология блокчейн не позволяет изменять или удалять ранее добавленную информацию. Блоки транзакций добавляются, формируя непрерывную однонаправленную (упорядоченную во времени) цепочку блоков, эта особенность и дала название технологии. Неизменность (возможность только добавления данных) способствует обеспечению целостности и является принципиальным конститутивным признаком блокчейна.

Однако негативный опыт имеется и здесь. Так, с использованием блокчейн-технологий были проведены выборы депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в 2019 г. Однако, вопреки ожиданиям, они характеризовались еще большим количеством жалоб со стороны избирателей. Так, многократные сбои системы не позволили избирателям подать свой голос в электронном формате. К тому же очень сильно разнились результаты на «электронных» участках и обычных, что создавало сомнения в честности и правильности подсчета голосов [20. С. 23]. Резонанс был столь велик, что ряд ученых и политиков посчитали, что данный неудачный опыт полностью дискредитировал саму возможность применения блокчейн-технологий в избирательном процессе.

Правда, были и другие мнения. Согласно им, претензии необходимо предъявлять не самой технологии, а тому, как она была реализована. В частности, указанные выборы были организованы с использованием не инклюзивного (permission less blockchain), а эксклюзивного (permissioned blockchain) блокчейна, который не позволил наблюдателям надлежащим образом контролировать их ход. При этом используемая технология не обеспечивала и полную анонимность блокчейна, что в определенной степени свело на нет все его преимущества [21].

Касаясь данного вопроса, ранее мы уже указывали, что для обеспечения надлежащего учета голосов избирателей организационно-технологические вопросы не могут отдаваться на усмотрение техническим специалистам – разработчикам соответствующих систем ДЭГ (что и имело место в 2019 г.). Соответственно, проведение ДЭГ как с использованием блокчейна, так и – возможно – иных технологий должно основываться на достаточной нормативной базе, в которой содержались бы детальные требования к указанным технологиям и особенностям их применения в процедуре голосования [22. С. 205].

Определенная сложность решения данного вопроса именно для муниципалитетов видится в том, что муниципальные выборы, чаще всего, в настоящее время совмещаются с выборами региональными и федеральными. Соответственно, муниципальные образования лишены возможности самостоятельно урегулировать указанные организационно-технические аспекты проведения ДЭГ – поскольку в таком случае они бы затронули и вопросы проведения выборов более высокого уровня. Однако это свидетельствует

лишь о том, что регулирование применения конкретных информационных технологий для проведения выборов должно осуществляться именно федеральными актами, что, кстати, вполне логично и в контексте обеспечения единых подходов к гарантированию избирательных прав всех граждан Российской Федерации.

Разумеется, ДЭГ не панацея, и не может решить все проблемы проведения голосования на муниципальном уровне. Отдельно здесь можно сказать о таком институте, как голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Данный механизм ни разу, насколько известно авторам настоящей статьи, не использовался в Российской Федерации с момента вступления в силу действующего закона о местном самоуправлении. Основная причина этого заключается в чрезмерно завышенных требованиях к признанию должностного лица отозванным – за это должно проголосовать не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе). При упомянутой выше крайне низкой явке избирателей как на муниципальные выборы, так и на иные процедуры голосования на местном уровне, данный барьер является практически непреодолимым.

Конечно, как уже было отмечено выше, ДЭГ позволяет несколько повысить явку за счет упрощения данной процедуры для избирателей. Однако, как представляется, в данном случае этого позитивного эффекта недостаточно. Можно согласиться мнением с Л.А. Нудненко о необходимости совершенствования «механизма реализации данной нормы, поскольку существующий порядок осуществления права избирателей на досрочный отзыв выборных представителей местного сообщества блокирует, делает невозможным его реализацию на практике [23. С. 5].

Больше перспектив, на наш взгляд, имеет использование ДЭГ при проведении местных референдумов. В Российской Федерации с начала 2010-х гг. наблюдается значительный рост количества случаев проведения местных референдумов. Если в «нулевые» годы их число в среднем было около десятка в год на всю Российскую Федерацию, то в последующие годы исчислялось сотнями и даже тысячами в год. Отчасти такой взрывообразный рост связан с окончанием переходного периода муниципальной реформы, в результате чего тысячи впервые созданных муниципальных образований также стали проводить референдумы. Другая причина – требования законодательства, которое позволяет решать некоторые вопросы только на муниципальном референдуме. Показательно в этом плане, что из всех проведенных за последнее десятилетие местных референдумов 95% касались принятия решения о сборе средств самообложения. Учитывая же, что из них больше половины приходится на один субъект Российской Федерации – Республику Татарстан (опять же по вопросам сбора средств самообложения), следует констатировать, что ситуация непосредственным решением населением муниципальных образований вопросов местного значения обстоит отнюдь не так благополучно.

Проведение местных референдумов в электронной форме способно кардинально изменить значимость этого института прямой демократии. Простота проведения и оперативность подведения итогов, а также относительная дешевизна электронного референдума позволяют сделать из него не чрезвычайный, а повседневный механизм для принятия непосредственно населением муниципальных образований решений по самым разнообразным проблемам. По сути, это дает потенциальную возможность существенно изменить само соотношение форм прямой и представительной демократии на местном уровне. Все это – только с одним, но неслучайным условием – если ДЭГ станет *единственным* способом волеизъявления на референдуме, а не дополнительным наряду с традиционным.

Представляется, что в настоящее время уже во многих муниципальных образованиях в принципе имеются необходимые организационно-технические условия для проведения местных референдумов исключительно в электронной форме. Препятствием выступают здесь, скорее, политические, и отчасти психологические причины: не все граждане готовы голосовать дистанционно с использованием цифровых технологий, не все должностные лица властных муниципальных структур готовы им предоставить такую возможность.

Тем не менее нам видится, такая перспектива в рамках цифровой трансформации местного самоуправления, если не неизбежна, то, по крайней мере, весьма вероятна. Соответственно, целесообразно уже сейчас задуматься над правовым обеспечением указанных процессов.

По нашему мнению, с учетом объективно существующего цифрового неравенства муниципальных образований, вопрос о проведении местных референдумов исключительно в электронной форме целесообразно решать непосредственно на местном уровне. Федеральное законодательство о местном самоуправлении должно лишь закреплять такое право за самими муниципальными образованиями.

Само принятие указанного решения в конкретном муниципальном образовании может быть осуществлено только путем проведения референдума (в традиционной форме) либо на сходе граждан.

Кстати, о сходах. Референдум с использованием ДЭГ вполне частично вытеснить такой институт прямой демократии, как сход граждан (причем в данном случае мы говорим не только о сходах, которые проводятся вместо местных референдумов в малочисленных муниципальных образованиях, но и о сходах, проводимых для решения определенных вопросов на части территории муниципальных образований в порядке ст. 25.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). По сути, обе эти формы преследуют одну цель – принять обязательное (на всей либо на части территории муниципального образования) решение по вопросам местного значения путем выражения воли всех его жителей (либо жителей определенной территории), обладающих избирательным правом. Разница заключается лишь в механизме выражения этой воли, причем референдум (организационно более сложный, чем сход)

проводится в ситуациях, когда собрать сход объективно невозможно (в силу слишком большого количества избирателей, волю которых надо учесть). Но эта проблема легко решается в рамках электронного референдума – вне зависимости от численности жителей муниципального образования, все они вполне могут принять решение по конкретному вопросу.

Разумеется, полный отказ от проведения сходов граждан, если и произойдет, то явно не в ближайшем будущем. Во-первых, в силу того, что, как уже было отмечено выше, даже при наличии организационно-технической готовности к проведению местных референдумов полностью с применением ДЭГ в определенных муниципальных образованиях, существуют и другие препятствия. Во-вторых, в ряде случаев, в малочисленных муниципальных образованиях либо когда речь идет о проведении сходов на части территории муниципального образования, проведение схода может оказаться все равно организационно проще и финансово менее затратно, чем проведение даже электронного референдума. В-третьих, не следует забывать, что хотя основная цель схода, как это прямо вытекает из ст. 25 и 25.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – принятие решения по вопросам местного значения, сама процедура схода включает не только собственно голосование, но и всестороннее обсуждение решаемых вопросов. В принципе технически нет препятствий организовать подобные обсуждения и при проведении местных референдумов в электронной форме с помощью соответствующих цифровых технологий, однако, не факт, что такое дистанционное обсуждение заменит живое общение жителей.

В целом схожие рассуждения можно привести и относительно ряда других институтов прямой демократии, используемых на местном уровне, таких как собрания, конференции граждан, а также опросы. Собрания и конференции отличаются от сходов, в первую очередь, отсутствием обязательной юридической силы принимаемых на них решений. Поэтому технически они также могут быть организованы исключительно в дистанционной форме с использованием цифровых технологий, однако и в данном случае подобное решение обладает как преимуществами, так и недостатками.

Отдельного внимания заслуживает такая форма непосредственного волеизъявления населения, как опрос. Согласно действующему законодательству, спрос граждан проводится на всей территории муниципального образования или на части его территории для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти (ч. 1 ст. 31 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). При этом уже в настоящее время для проведения опроса граждан может использоваться официальный сайт муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

А.А. Козодубов в связи с этим полагает, что «следовало бы на законодательном уровне установить перечень оснований, при которых результаты

опроса могли бы иметь обязательный характер (в настоящее время они носят рекомендательный характер). Опрос граждан, в случае обязательности учета его результатов, мог бы стать достойной альтернативой при изменении территориального устройства муниципального образования (изменении границ), при преобразовании муниципального образования и в некоторых других случаях» [24. С. 29]. Ему вторит и Г.А. Василевич, полагающий, что информационно-телекоммуникационные системы опросов типа «Активный гражданин» могут стать определенной альтернативой местным референдумам [25. С. 13].

Представляется, однако, что такие ожидания не вполне корректны. Опрос, конечно, может дополнять институт местных референдумов, но заменить его не может именно в силу рекомендательного характера его результатов. Придание же результатам опроса обязательного характера, как это предлагает А.А. Козодубов, вряд ли возможно, поскольку действующее законодательство не предусматривает при проведении опроса учет мнения всех жителей муниципального образования – принятие же общеобязательного решения лишь какой-то его частью противоречит общедемократическим принципам.

В силу этого опрос граждан, проводимый в дистанционной форме, следует рассматривать не как альтернативу референдуму, а как элемент электронного дистанционного информирования, в рамках которого «институты гражданского общества и отдельные граждане доводят социально значимую информацию до сведения общественности и соответствующих субъектов политической власти, без возникновения обязанности последних совершить какие-либо юридически значимые действия» [26. С. 111].

В отличие от местного референдума, проведение опроса жителей муниципального образования полностью в дистанционной форме с использованием информационно-телекоммуникационных сетей не предоставляет каких-то принципиальных преимуществ по сравнению с сочетанием традиционной и дистанционной форм. Поэтому представляется, что существующее в настоящее время правовое регулирование опросов на муниципальном уровне в перспективе концептуально не потерпит принципиальных изменений.

Здесь, правда, можно отметить, что в научной литературе именно действующее законодательство об опросах с использованием официальных сайтов подвергается критике некоторыми специалистами. Так, Н.В. Винник и Л.А. Нудненко пишут, что «существенным минусом проведения опроса в электронной форме, по нашему мнению, можно считать небольшой охват аудитории, который не позволяет выявить мнение всех категорий граждан, проживающих на территории муниципального образования. Кроме того, невозможно определить, являются ли лица, принявшие участие в опросе, действительно жителями данного муниципального образования» [27. С. 44]. «Непонятно, обладают ли граждане, принявшие участие в опросе в сети Интернет, избирательным правом, что является необходимым в соответствии с действующим законодательством условием для участия в опросе» [23. С. 6].

Мы, однако, не можем полностью согласиться со справедливостью данной позиции. Возможно, в 2015 г., когда писалась статья Н.В. Винник, ее утверждение о небольшом охвате аудитории и имело под собой некоторые основания, но уж в 2022 г., и тем более в настоящее время, охват территории Российской Федерации сетью Интернет и количества устройств для выхода в него у ее граждан позволяют, с нашей точки зрения, говорить, скорее об обратном: дистанционный опрос позволяет сделать не меньший, а больший охват аудитории. Согласиться мы можем лишь с тем, что полностью дистанционный опрос действительно может быть не вполне релевантен по выборке (из него выпадают категории граждан с низким уровнем цифровой грамотности, а также проживающие на территориях, где доступ к сети Интернет отсутствует или существенно затруднен – но таких в настоящее время немного). Именно по этой причине по действительно важным опросам оптимальным является сочетание электронных его форм с дистанционными.

Что же касается проблемы с идентификацией лиц, участвующих в дистанционных опросах, то, полагаем, что она в настоящее время уже не стоит, поскольку идентификация участников опроса может осуществляться с использованием Единой системы идентификации и аутентификации. Соответствующие положения об этом закрепляются муниципальными правовыми актами (см. например: Решение городской Думы г. Дзержинска Нижегородской области от 29.04.2021 № 132 «Об утверждении Порядка идентификации участников опроса в случае проведения опроса граждан с использованием официального сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»»; Решение Краснополянского сельского совета от 17 августа 2021 г. № 130 «Об утверждении Порядка идентификации участников опроса в случае проведения опроса граждан с использованием официального сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и др.).

Также современные цифровые технологии вполне могут значительно повысить эффективность использования таких форм прямого волеизъявления населения на местном уровне, как правотворческая инициатива граждан и инициативные проекты. И в том и в другом случае перспективным видится установление возможности формирования инициативных групп и регистрация, соответственно, актов, вносимых в порядке правотворческой инициативы, а также инициативных проектов в онлайн-режиме (при обязательном условии идентификации участников этих инициативных групп). Представляется, что это несколько упростит некоторые обязательные процедуры. В целом реализация данных форм прямой демократии исключительно в дистанционном режиме вряд ли в большинстве случаев будет целесообразной.

Помимо предусмотренных действующим законодательством цифровые технологии создают возможности использования на местном уровне и иных, новых форм прямой демократии. К таковым, например, относятся онлайн-дебаты. При ее использовании гражданам предоставляется возможность обсуждения решений местных властей в сети Интернет. Такая практика была проведена в Италии, в г. Болонья в январе–феврале 2002 г., когда была создана структурированная система онлайн-дебатов в рамках проекта

«DEMOS». Практически был создан интернет-форум, который регулярно мониторился местными органами самоуправления, где граждане могли свободно высказать свое мнение. Причем было выдано отдельное постановление, согласно которому местные органы власти должны были активно использовать советы граждан, отвечать на их вопросы, а также на основе сообщений выделять и анализировать насущные проблемы.

Еще одним примером служит форум MN-POLITICS в США, штат Миннесота, который быстро стал частью реальной политики штата и насчитывает примерно 400–500 посетителей в день, которые обсуждают и анализируют все происходящее в политической сфере их территории [28. С. 115–116].

Другой перспективной инновационной формой прямой демократии, которая может быть внедрена с использованием современных цифровых технологий, является публичный краудсорсинг. Модель краудсорсинга – это публичное делегирование определенных функций неопределенному кругу лиц, которая при определенных условиях является хорошей альтернативой схеме формирования консолидированного мнения с привлечением ресурсов малой группы. Коллективное решение в рамках краудсорсинга разрабатывается и структурируется не малой группой из числа профессионалов-экспертов, а «толпой любителей», каждый из которых вносит свой вклад в коллективное решение, используя специальные технологии коллективного редактирования (wiki-технологии). Существуют исследования, которые показывают, что при определенных обстоятельствах толпа в состоянии принять более оптимальное решение, нежели экспертное сообщество. Внедрение модели краудсорсинга в публичное управление было предусмотрено Концепцией развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. [2], которая, впрочем, так и не была реализована.

Между тем краудсорсинговая модель считается особо эффективной именно на местном уровне, во-первых, в силу в большей степени хозяйственной, чем политической составляющей муниципального управления; во-вторых, в силу близости органов местного самоуправления к населению и интуитивной понятности значительной части решаемых ими проблем (последнее в наибольшей степени характеризует сельские и малые городские поселения). Суть модели сводится к тому, что когда у отдельного гражданина возникает какая-либо проблема, он, вместо того чтобы идти по инстанциям местных органов власти, описывает ее на специально созданной площадке (например, на официальном сайте местных органов власти) [29. С. 47]. В этом смысле краудсорсинговая модель, подкрепленная широкими возможностями Web 2.0, значительно расширяет потенциал электронной демократии, так как граждане принимают самое непосредственное участие в разработке общественных и политических решений [2].

Наконец, можно упомянуть и о такой форме электронной демократии, как онлайн-протест. В настоящее время, пожалуй, самым известным примером онлайн-протеста, при этом в полной мере достигшим своей цели, является протест против принятия в США законопроекта «Акт о прекращении онлайн-пиратства» (Stop Online Piracy Act, SOPA).

Более 7 тысяч сайтов, в том числе Facebook, Google, Mozilla Corporation, Wikipedia, ушли в офлайн в знак протеста, аргументируя это тем, что документ несет угрозу свободе слова в Интернете и развитию высоких технологий. В результате многочисленных протестов сетевой аудитории и крупнейших интернет- и IT-компаний работа над законопроектом отложена на неопределённое время. В итоге он так и не был принят [28. С. 116].

В нашей стране в качестве примера своеобразного онлайн-протеста (правда, технически реализованного совершенно иным образом) можно привести историю с приложением «Социальный мониторинг», разработанным весной 2020 г. в целях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции правительством Москвы и предназначенным для контроля за соблюдением гражданами режима изоляции. Недовольство граждан качеством работы указанного приложения было так велико, что они в массовом порядке стали выставлять крайне низкие оценки на платформе App Store. После того, как рейтинг «Социального мониторинга» упал за пределы минимально допустимого правилами платформы значения, оно было автоматически оттуда удалено, что повлекло на некоторое время невозможность его использования для осуществления указанного контроля. Таким образом, можно констатировать, что коллективные действия граждан напрямую повлияли на осуществление публичного управления. Конечно, данный пример является довольно специфическим, и не факт, что в силу этой специфики подобные формы «онлайн-протестов» могут реально произойти именно на муниципальном уровне, однако потенциально, как представляется, местным властям, а возможно, и законодателю, надо быть к ним готовым.

Таким образом, подводя итоги, можно выделить следующие наиболее важные моменты, связанные с использованием цифровых технологий при реализации форм прямой демократии на муниципальном уровне.

1. Практика проведения муниципальных выборов с использованием систем ДЭГ показывает, что в этой сфере есть и проблемы, в первую очередь, связанные с непрозрачностью процедур голосования и появлением сомнений в правильности подсчета голосов. Перспективным здесь видится использование блокчейн-технологий, которые не позволяют изменять или удалять ранее добавленную информацию. Однако при этом организационно-технологические вопросы не должны отдаваться на усмотрение техническим специалистам – разработчикам соответствующих систем ДЭГ, что обусловило негативное восприятие от использования указанных технологий на выборах ранее. Проведение ДЭГ должно основываться на достаточной нормативной базе, в которой содержались бы детальные требования к указанным технологиям и особенностям их применения в процедуре голосования. При этом указанные требования должны быть едиными для всей страны и закрепляться, соответственно, актами федерального уровня.

2. Еще более широкие перспективы предоставляет использования ДЭГ при проведении местных референдумов – при условии, если они выступают

единственным способом волеизъявления на референдуме, а не дополнительным (как в настоящее время). Проведение местных референдумов в электронной форме способно кардинально изменить значимость этого института прямой демократии. Простота проведения и оперативность подведения итогов, а также относительная дешевизна электронного референдума позволяют сделать из него не чрезвычайный, а повседневный механизм для принятия непосредственно населением муниципальных образований решений по самым разнообразным проблемам.

Тем не менее нам видится, такая перспектива в рамках цифровой трансформации местного самоуправления, если не неизбежна, то, по крайней мере, весьма вероятна. По нашему мнению, с учетом объективно существующего цифрового неравенства муниципальных образований, вопрос о проведении местных референдумов исключительно в электронной форме целесообразно решать непосредственно на местном уровне. Федеральное законодательство о местном самоуправлении должно лишь закреплять такое право за самими муниципальными образованиями. Само принятие указанного решения в конкретном муниципальном образовании может быть осуществлено только путем проведения референдума (в традиционной форме) либо на сходе граждан.

При этом референдум с использованием ДЭГ вполне частично вытеснить такой институт прямой демократии, как сход граждан, поскольку многие вопросы, которые решаются в настоящее время на сходах граждан в перспективе могут решаться на местных референдумах в электронной форме.

3. Современные цифровые технологии вполне могут значительно упростить порядок использования таких форм прямого волеизъявления населения на местном уровне, как правотворческая инициатива граждан и инициативные проекты. И в том и в другом случае перспективным видится установление возможности формирования инициативных групп и регистрация, соответственно, актов, вносимых в порядке правотворческой инициативы, а также инициативных проектов в онлайн-режиме (при обязательном условии идентификации участников этих инициативных групп). Представляется, что это несколько упростит некоторые обязательные процедуры, но в целом реализация данных форм прямой демократии исключительно в дистанционном режиме вряд ли в большинстве случаев будет целесообразной.

4. Помимо предусмотренных действующим законодательством цифровые технологии создают возможности использования на местном уровне и иных, новых форм прямой демократии. К таковым, например, относятся онлайн-дебаты, онлайн-протесты и публичный краудсорсинг.

В завершение отметим, что использования современных цифровых технологий уже достаточно серьезно повлияло на формы реализации демократических процессов на местном уровне. «Прямая демократия прошла сложный эволюционный путь от общинно-вечевой самоорганизации до современной электронной демократии» [30. С. 54]. Вместе с тем вполне очевидно, что этот путь еще не завершен [31], и цифровая трансформация местного

самоуправления может повлечь существенные изменения имеющихся форм прямой демократии, а также возникновение ряда принципиально новых.

Список источников

1. Мальченко С.А., Сударев А.А. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки // Огарёв-online. 2023. № 1. С. 1–8.
2. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Экспертиза проекта «Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года». URL: http://itclub-vologda.ru/sites/default/files/news/attachment/ekspertiza_e-democracy_sodit.pdf (дата обращения: 24.02.2024).
4. Кабышев В.Т. Конституционный Суд защитил демократию (размышления к Постановлению Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П) // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 11–20.
5. Баранов М.Л. Содержание государственного контроля как вида социального управления // Юридический мир. 2012. № 10. С. 61–67.
6. Салмин А. Современная демократия: очерки становления. М. : Моск. школа полит. исследований, 1997. 447 с.
7. Голычев А.А. Электронная демократия как фактор повышения политического участия граждан современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 238 с.
8. Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.
9. Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // Innovation and the Public Sector. 2012. № 19.
10. Кутырев Г.И. Электронная демократия в России как вызов традиционной: анализ технократических проектов постнеоклассического этапа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2. С. 293–302.
11. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М. : Юстицинформ, 2022. 484 с.
12. Страхов И.А. Электронное голосование как основной элемент электронной демократии в России: этапы и перспективы внедрения // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 10. С. 13–17.
13. Худолей Д.М., Худолей К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 476–503.
14. Ларичев А.А., Ржановский В.А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 35–52.
15. Антипова В.Г. Развитие информационно-коммуникативных связей органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 24 с.
16. Официальный отзыв Правительства РФ от 18.05.2022 «На проект федерального закона № 56907-8 “О внесении изменений в статью 28 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (в части исключения проведения публичных слушаний в онлайн-режиме)»».
17. Холопов В.А. Модернизация механизмов реализации институтов непосредственной демократии: анализ зарубежного и российского опыта проведения электронного голосования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 64–67.
18. Трушалова Т.О. Возможности дистанционного электронного голосования для участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 18–22.
19. Власова О.Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. 2020. № 3. С. 1–24.

20. Филимонова А.И. Дистанционное электронное голосование: некоторые проблемы и пути разрешения // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 10. С. 23.

21. Эксперт назвал «трагедией» дискредитацию технологии блокчейн на московских выборах. URL: https://coinspot.io/law/russia_sng/ekspert-nazval-tragediej-diskreditaciyu-tehnologii-blokchejn-na-moskovskih-vyborah/ (дата обращения: 27.02.2024).

22. Чаннов С.Е. Электронное дистанционное голосование Российской Федерации: возможности и перспективы // Гражданин. Выборы. Власть : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Пятигорск, 30 сентября – 1 октября 2020 г. / отв. ред. Л.А. Тхабисимова. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2021. С. 204–205.

23. Нудненко Л.А. Перспективы развития федерального законодательства о непосредственной демократии в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 3–8.

24. Козодубов А.А. Реализация форм непосредственной демократии при осуществлении местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6. С. 27–31.

25. Василевич Г.А. Учет мнения населения – важный фактор общественного консенсуса / Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополюцк, 16 апреля 2021 г. / редкол.: И.В. Шахновская, П.В. Соловьев. Новополюцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-R). 163 с.

26. Давыдова М.Л., Кушнирук Р.П. Цифровое информирование как форма электронной демократии: особенности правового регулирования // Власть Закона. 2017. № 1. С. 101–116.

27. Винник Н.В. Правотворческая инициатива и опрос граждан как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 10. С. 43–45.

28. Харечко И.З. Электронная демократия как модель улучшения политического участия граждан: зарубежный опыт // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3 (23). С. 110–120.

29. Пахомова О.А. Краудсорсинг как способ решения социальных проблем малых городов // Дискуссия. 2016. № 3. С. 46–50.

30. Савченко М.С., Куемжиева С.А., Гончаров В.В. Проблемы и перспективы закрепления и реализации форм прямой демократии в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 2. С. 51–55.

31. Ведяшкин С.В., Сенникова Д.В., Юсубов Э.С. и др. Современные избирательные системы (издательская серия «Зарубежное и сравнительное избирательное право») / под ред. А.А. Автономова, В.И. Лысенко. М. : Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, 2023. 496 с.

References

1. Malchenkov, S.A. & Sudarev, A.A. (2023) Tsifrovaya demokratiya kak novaya forma nara-dovlastiya: preimushchestva i nedostatki [Digital democracy as a new form of people's power: Advantages and disadvantages]. *Ogarev-online*. 1. pp. 1–8.

2. Russian Federation. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya v Rossiyskoy Federatsii mekhanizmov elektronnoy demokratii do 2020 goda (proekt)* [The concept of development of electronic democracy mechanisms in the Russian Federation until 2020 (draft)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

3. Russian Union of IT Directors. (n.d.) *Ekspertiza proekta "Kontseptsiya razvitiya v Rossiyskoy Federatsii mekhanizmov elektronnoy demokratii do 2020 goda"* [Expertise of the project "The Concept of Development of Electronic Democracy Mechanisms in the Russian Federation Until 2020"]. [Online] Available from: [22](http://itclub-</p></div><div data-bbox=)

vologda.ru/sites/default/files/news/attachment/ekspertiza_e-democracy_sodit.pdf (Accessed: 24th February 2024).

4. Kabyshev, V.T. (2014) *Konstitutsionnyy Sud zashchitil demokratiyu (razmyshleniya k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 aprelya 2013 g. № 8-P)* [The Constitutional Court has protected democracy (reflections on Resolution No. 8-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 22, 2013)]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2. pp. 11–20.

5. Baranov, M.L. (2012) *Soderzhanie gosudarstvennogo kontrolya kak vida sotsial'nogo upravleniya* [The content of state control as a type of social management]. *Yuridicheskiy mir*. 10. pp. 61–67.

6. Salmin, A. (1997) *Sovremennaya demokratiya: ocherki stanovleniya* [Modern Democracy: Essays on its Formation]. Moscow: Moscow School of Political Studies.

7. Golychev, A.A. (2006) *Elektronnaya demokratiya kak fakto povysheniya politicheskogo uchastiya grazhdan sovremennoy Rossii* [Electronic Democracy as a Factor in Increasing the Political Participation of Citizens of Modern Russia]. Politics Cand. Diss. Moscow

8. Lolaeva, A.S. (2021) *Tsifrovaya (elektronnaya) i traditsionnaya demokratiya: voprosy sootnosheniya* [Digital (Electronic) and Traditional Democracy: Relationship Issues]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 4. pp. 23–26.

9. Van Dijk, J. (2012) Digital democracy: Vision and reality. *Innovation and the Public Sector*. 19.

10. Kutyrev, G.I. (2012) *Elektronnaya demokratiya v Rossii kak vyzov traditsionnoy: analiz tekhnokraticeskikh proektov postneoklassicheskogo etapa* [Electronic Democracy in Russia as a Challenge to Traditional Democracy: Analysis of Technocratic Projects of the Post-Neoclassical Stage]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2. pp. 293–302.

11. Avakyan, S.A. (2022) *Predstavitel'stvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Representation in Constitutional Law: Theoretical and Practical Issues]. Moscow: Yustitsinform.

12. Strakhov, I.A. (2023) *Elektronnnoe golosovanie kak osnovnoy element elektronnnoy demokratiy v Rossii: etapy i perspektivy vnedreniya* [Electronic voting as the main element of electronic democracy in Russia: Stages and prospects of implementation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 10. pp. 13–17.

13. Khudoley, D.M. & Khudoley, K.M. (2022) *Elektronnnoe golosovanie v Rossii i za rubezhom* [Electronic voting in Russia and abroad]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 3. pp. 476–503.

14. Larichev, A.A. & Rzhansovskiy, V.A. (2022) *Razvitie distantsionnogo elektronnogo golo-sovaniya v Rossii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Development of remote electronic voting in Russia: The constitutional and legal aspect]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9. pp. 35–52.

15. Antipova, V.G. (2010) *Razvitie informatsionno-kommunikativnykh svyazey organov mestnogo samoupravleniya* [Development of Information and Communication Links of Local Governments]. Abstract of Politics Cand. Diss. Moscow.

16. Russian Federation. (2022) *Ofitsial'nyy otzyv Pravitel'stva RF ot 18.05.2022 "Na projekt federal'nogo zakona № 56907-8 'O vnesenii izmeneniy v stat'yu 28 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" (v chasti iskl'yucheniya provedeniya publichnykh slushaniy v onlayn-rezhime)"* [Official response of the Government of the Russian Federation dated 18.05.2022 On draft federal law No. 56907-8 On Amendments to Article 28 of the Federal Law On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation (regarding the exclusion of holding public hearings online)].

17. Kholopov, V.A. (2011) *Modernizatsiya mekhanizmov realizatsii institutov neposredstvennoy demokratiy: analiz zarubezhnogo i rossiyskogo opyta provedeniya elektronnogo golosovaniya* [Modernization of mechanisms for the implementation of direct democracy institutions: Analysis of foreign and Russian experience in conducting electronic voting]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 9. pp. 64–67.

18. Trushchalova, T.O. (2022) Vozmozhnosti distantsionnogo elektronnoho gosovaniya dlya uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva [Possibilities of remote electronic voting for citizen participation in the management of state affairs]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 5. pp. 18–22.
19. Vlasova, O.Yu. (2020) Tsifrovoy avtoritarizm i elektronnyaya demokratiya: sodержanie i granitsy [Digital authoritarianism and electronic democracy: Content and boundaries]. *Studia Humanitatis*. 3. pp. 1–24.
20. Filimonova, A.I. (2023) Distantsionnoe elektronnoe gosovaniye: nekotorye problemy i puti razresheniya [Remote electronic voting: Some problems and solutions]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 10. p. 23.
21. Coinspot.io. (2019) *Ekspert nazval "tragediy" diskreditatsiyu tekhnologii blokcheyn na moskovskikh vyborah* [Expert called the discrediting of blockchain technology in the Moscow elections a "tragedy"]. [Online] Available from: https://coinspot.io/law/russia_sng/ekspert-nazval-tragediej-diskreditatsiyu-tehnologii-blokcheyn-na-moskovskikh-vyborah/ (Accessed: 27th February 2024).
22. Channov, S.E. (2021) Elektronnoe distantsionnoe gosovaniye Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnosti i perspektivy [Electronic Remote Voting in the Russian Federation: Possibilities and Prospects]. In: Tkhabisimova, L.A. (ed.) *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. pp. 204–205.
23. Nudnenko, L.A. (2022) Perspektivy razvitiya federal'nogo zakonodatel'stva o neposredstvennoy demokratii v sisteme mestnogo samoupravleniya [Prospects for the Development of Federal Legislation on Direct Democracy in the System of Local Self-Government]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 3–8.
24. Kozodubov, A.A. (2019) Realizatsiya form neposredstvennoy demokratii pri osushchestvlenii mestnogo samoupravleniya [Implementation of Forms of Direct Democracy in the Exercise of Local Self-Government]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 6. pp. 27–31.
25. Vasilevich, G.A. (2021) Uchet mneniya naseleniya – vazhnyy faktor obshchestvennogo konsensusa [Taking into account the population opinion is an important factor in public consensus]. In: Shakhnovskaya, I.V. & Soloviev, P.V. (eds) *Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva* [Transformation of Public Administration and Local Self-Government in the Context of the Development of the Information Society]. Novopolotsk: Polotsk State University.
26. Davydova, M.L. & Kushniruk, R.P. (2017) Tsifrovoe informirovaniye kak forma elektronnoy demokratii: osobennosti pravovogo regulirovaniya [Digital information as a form of electronic democracy: Legal regulation]. *Vlast' Zakona*. 1. pp. 101–116.
27. Vinnik, N.V. (2015) Pravotvorcheskaya initsiativa i opros grazhdan kak formy uchastiya naseleniya v osushchestvlenii mestnogo samoupravleniya [Law-making initiative and citizen survey as forms of population participation in the implementation of local self-government]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 10. pp. 43–45.
28. Kharechko, I.Z. (2013) Elektronnyaya demokratiya kak model' uluchsheniya politicheskogo uchastiya grazhdan: zarubezhnyy opyt [Electronic democracy as a model for improving the political participation of citizens: Foreign experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 3(23). pp. 110–120.
29. Pakhomova, O.A. (2016) Kraudsorsing kak sposob resheniya sotsial'nykh problem malykh gorodov [Crowdsourcing as a way to solve social problems of small towns]. *Diskussiya*. 3. pp. 46–50.
30. Savchenko, M.S., Kuemzhieva, S.A. & Goncharov, V.V. (2020) Problemy i perspektivy za-krepleniya i realizatsii form pryamoy demokratii v rossiyskom zakonodatel'stve [Problems and prospects for consolidating and implementing forms of direct democracy in Russian legislation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2. pp. 51–55.

31. Vedyashkin, S.V., Sennikova, D.V., Yusubov, E.S. et al. (2023) *Sovremennye izbiratel'nye sistemy (izdatel'skaya seriya "Zarubezhnoe i sravnitel'noe izbiratel'noe parvo")* [Modern Electoral Systems (publishing series "Foreign and Comparative Electoral Law")]. Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies under the Central Electoral Commission of the Russian Federation.

Информация об авторах:

Амелин Р.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры математической теории упругости и биомеханики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: alan.asker@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7054-5757; ResearcherID: F-7436-2017.

Липчанская М.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: lipchan_maria@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4410-0578; ResearcherID: ABC 6179-2020.

Чаннов С.Е. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: sergeychannov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3342-7487; ResearcherID: V-6420-2018.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Amelin R.V., Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: alan.asker@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7054-5757; ResearcherID: F-7436-2017.

Lipchanskaya M.A., Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: lipchan_maria@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4410-0578; ResearcherID: ABC 6179-2020.

Channov S.E., Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: sergeychannov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3342-7487; ResearcherID: V-6420-2018.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 21.06.2024.*

*The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 21.06.2024.*